

КАНИКУЛЫ С НЕВИДИМКОЙ

Валерий Тусов

ЭКСМО

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Каникулы с невидимкой

«ЭКСМО»

2000

Гусев В. Б.

Каникулы с невидимкой / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2000 — (Дети Шерлока Холмса)

Вот и наступил последний день каникул. Завтра снова в школу, а значит, сегодня надо отдохнуть на полную катушку. И Димка с братом Лешкой отправляются в парк, где их ждут все тридцать три удовольствия. И даже тридцать четвертое: призовой полет на самом настоящем воздушном шаре! Братья уже предвкушают незабываемые впечатления, как вдруг... Сметая все на своем пути, незнакомец в костюме Деда Мороза мчится к воздушному шару, забирается в корзину и обрубает канат! Шар взмывает под облака и, повинаясь таинственному похитителю, несет мальчишек в неизвестность...

© Гусев В. Б., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	15
Глава V	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Гусев

Каникулы с невидимкой

Глава I

ПРОЩАЙ, ЛЮБИМЫЙ ГОРОД!

Наконец-то, – сказала мама и ткнула пальцем в настенный календарь. – Завтра в школу!
– А ты и рада? – обиделся Алешка.

У него со школой довольно сложные отношения. Как у всякого нормального пацана девяти лет.

Но я тоже расстроился от этого маминого напоминания. Грустно, когда кончаются зимние каникулы. Я их больше люблю, чем летние. Летние очень длинные, они даже слегка надоедают. А к концу августа от них уже немного устаешь.

А зимние... Их всегда не хватает. Всегда чуть-чуть недогуливаешь. И потом – они такие уютные, сказочные. Новый год, елка, подарки от Деда Мороза. И всегда ждешь чего-то необычного. Волшебного...

У нас дома каждый Новый год в двенадцать часов самым сказочным образом под елкой появляется красивый картонный сундучок с подарками. Весь разрисованный ледяными узорами, еловыми лапами со свечами и елочными игрушками. И так здорово, скинув с него крышку, доставать из его глубины новогодние подарки, которые всегда оказываются именно такими, какие хотелось получить.

Когда мы были совсем маленькими, родители приучили нас перед Новым годом писать Деду Морозу письма, сообщать в них о своих успехах и хорошем поведении и просить за это желанные подарки. И ни разу Дед Мороз не ошибся. Всегда укладывал в наш сундучок именно то, что мы просили.

Даже когда Алешка написал такое письмо: «Деморос я харашо учус на двойки и разбил мамену чашьку пришли за ето настоящий паравос с систерными» – он все равно получил то, что выпрашивал. Классную игрушечную железную дорогу. И «деморос» не поленился сообщить ему в ответном письме на красивой новогодней открытке, что настоящий «паравос с систерными» он не прислал только потому, что они в квартире не поместятся.

Долгое время мы были уверены, что сундучок под елкой появляется по новогоднему волшебству, и все старались подглядеть, как оно происходит. Но никогда не получалось. Всегда что-нибудь отвлекало нас в самый последний момент. То мама позовет на кухню, то папа попросит что-нибудь помочь.

Потом, конечно, мы разгадали их хитрость, поняли, что сундучок под елкой – дело рук родителей. Но вида не показывали, продолжали эту игру. И даже помогали им сделать это волшебство своим отсутствием в нужное время. И даже подкладывали в сундучок свои подарки для них, тоже от Деда Мороза.

Однажды я даже спросил Алешку, когда мы выгребали из сундучка новогодние богатства:

– А ты веришь, что это от Деда Мороза?

Он небрежно пожал плечами:

– Что я, маленький? Мама нас отвлекает, а папа подарки из шкафа достает и подкладывает.

Подумал немного и добавил:

– Но мне все равно нравится. Так интересней. И родителям приятно. Раз уж они такие наивные, зачем их огорчать?

Такой вот тактичный ребенок. Чуткий. Но, думаю, и практичный. Худо ли – заказывать Деду Морозу какой хочешь подарок? Даже если «мамену чашку разбил».

В этот Новый год мы тоже отхватили положенное. Но самый главный подарок от Деда Мороза подкарауливал нас впереди...

– Выметайтесь, – сказала мама, когда мы дозавтракали. – А то опоздаете. Только, умоляю, первый приз не выигрывайте.

Дело в том, что в этот раз среди новогодних подарков в сундучке оказался билет на елку, для Алешки. Очень красивый. Когда его раскрываешь, внутри распускается такая зеленая елочка, вся в игрушках, а вокруг нее хороводятся всякие новогодние сказочные персонажи. И там была приписка, что владелец билета может взять с собой на праздник одного взрослого. И на меня выпала такая доля, пусть и не очень взрослого, но все-таки старшего. И я до сих пор часто думаю, насколько все могло случиться страшнее, если бы Алешка пошел на елку один...

И еще в билете было сказано, что на празднике будут разыгрываться всякие призы. А самый главный – полет на воздушном шаре с Дедом Морозом.

Ну, я бы за этот приз бороться не стал. И не потому, что страшновато. Просто это как-то глупо, не сказочно: Дед Мороз на воздушном шаре. Мы в России к этому не привыкли. У нас Дед Мороз на расписных саних ездит. В которые гривастые кони запряжены. Или губастые северные олени. А воздушный шар? Это, как говорит папа, издержки технического прогресса. Не романтично, словом.

В Сокольниках мы повеселились на славу. Чего тут много рассказывать? Каждый на таких елках бывал. По сто раз. Погоняли на всяких аттракционах, посмотрели забавное представление, отоварили подарок в избушке на курьих ножках и выиграли главный приз. По номеру билета. Несмотря на мамино предостережение.

Тут же нас подхватили разрумяненные балагуры в цветных колпаках и вытащили на эстраду. Там нас поздравила Снегурочка, поиграла для нас музыка и прозвучали бурные аплодисменты. А потом прямо со сцены нас усадили в сани и помчали «среди ликующей толпы» к воздушному шару.

Мы все это вытерпели. Даже то, что санки везли не лошади, а всякие веселые персонажи. В основном иноземные страшилища. Но и наши попадались: зайчики с длинными ушами, снеговики в ведрах и две бабы-яги. Они были почему-то в валенках и с балалайками. И все время почему-то их роняли. Валенки – на дорогу, в снег, а балалайки – в санки, нам на головы. Да еще один клоун стоял на запятках и все время грохотал над нашими ушами громадными медными тарелками. И хохотал визгливым голосом.

Алешка в конце концов не выдержал и, когда на нас опять свалилась балалайка, схватил ее и сунул между тарелками в самый момент удара. Балалайка разлетелась в щепки, а баба-яга обиделась:

– Ну и дурак, – шепнула она мужским голосом.

– Сама дура! – шепнул Алешка. – Или дурак?

Когда нас, наконец, довели до стартовой площадки аэростата, мы уже совершенно оглохли и одурели от шума, грохота и ора и мечтали поскорее взлететь в тихое спокойное небо. С Дедом Морозом.

Площадка была огорожена канатом с цветными флажками. В центре ее вздымался самый настоящий воздушный шар – точь-в-точь как в книжке «Таинственный остров». Он был привязан к земле тоненьким тросом, намотанным на барабан. Видно, для того, чтобы очень высоко не улетел. И вовремя на свое место вернулся.

Под шаром висела совсем как настоящая пассажирская корзина, сплетенная из ивовых прутьев. Правда, когда мы в нее забрались по веревочному трапу, прутья оказались из коричневой пластмассы. Внутри корзины были две скамеечки и газовая горелка для подогрева воздуха в шаре.

Деда Мороза еще не было, и на площадке опять начались всякие веселые и смешные забавы.

Но вот в толпе появился Дед Мороз. Точнее – Санта-Клаус. В коротеньком полушубочке, в круглых очках и со старинным фонарем в руке. Он подошел к корзине и, держась одной рукой за трап, стал приветствовать публику, размахивая своим фонарем.

– До свидания, дети! – орал он. – Мы улетаем в Лапландию! В царство вечных снегов и белых медведей!

А дядьки в костюмах белых медведей раскачивались с ноги на ногу и кивали головами.

А у нас уже ноги стали мерзнуть. Без всяких вечных лапландских снегов.

И вот тут все и случилось!

В толпе что-то послышалось, и сквозь нее стал пробиваться еще один Дед Мороз. Уже наш, отечественный. Он был, правда, не очень взрачный – невысокий, худенький. Красная шуба болталась на нем, как на вешалке, полы ее путались в ногах и подметали заснеженную землю, а большая шапка сдвинулась до самого носа. Зато мешок был внушительный.

Этот скандальный Дед Мороз выбился из толпы, поднырнул под канаты и, подбежав к корзине и оттолкнув Санта-Клауса, полез вверх по трапу.

– Ты куда? – заорал прибалдевший Санта-Клаус. И стал хватать его за ноги.

– В Лапландию! – ответил Дед Мороз, отбрыкнулся и, ахнув мешком своего коллегу по башке, забросил его в корзину. Мешок то есть, а не Санта-Клауса.

И тут в толпе появились еще бегущие люди. В камуфляжной форме, вроде охранников. Они расталкивали людей, рвались к шару и тоже кричали:

– Стой! Держите его!

Наш Дед Мороз выхватил из-за пазухи своей великоватой шубы что-то блестящее, похожее на громадные ножницы, и перегнулся через борт.

Мы даже схватили его за ноги – подумали, что он хочет вывалиться.

Но он вместо этого щелкнул своими ножницами и перекусил ими тросик, удерживавший шар.

Шар обрадованно взмыл ввысь.

Один из охранников уцепился за трап и достал... пистолет.

– Ты что, дурак? – закричал другой. – Там же дети!

Первый охранник разжал руку и упал на землю. И стал быстро уменьшаться в размерах. И все внизу тоже становилось все меньше и меньше.

Мы летели над Москвой. Над деревьями, над рекой, над заснеженными крышами, утыканными телевизионными антеннами, на которых сидели, нахохлившись, вороны и удивленно смотрели нам вслед.

Дед Мороз облегченно вздохнул, как человек, догнавший уходящий поезд, уселся на скамеечку, развязал свой мешок и, не обращая на нас внимания, стал доставать из него и пересчитывать, шевеля губами, пачки денег...

Глава II

И КУДА ЖЕ МЫ ЛЕТИМ?

Пар летел. Дед Мороз считал деньги. Я смотрел на него. Лешка, став коленями на скамейку, смотрел вниз, где в уже темнеющем небе неспешно проплывали дома.

– Вон наш дом, – сказал Алешка.

– Где? – привстал и выглянул за край корзины Дед Мороз.

– А тебе-то что? – сурово огрызнулся мой младший брат.

Дед Мороз уложил деньги (это были доллары) обратно в мешок, туго затянул его, пригорюнился.

– Что, мало хапанул? – обернулся Алешка.

Дед Мороз вздохнул:

– Нет, вас жалко. – Он достал откуда-то из-под бороды маленький школьный компас, отпустил стрелку. – Вы, ребята, на меня не сердитесь. Кто ж знал, что так получится? Я ведь этот шар давно присмотрел. Раньше вас. – Он повернул компас туда-сюда, взглянул в темнеющую даль.

– Правильно летим? – ехидно уточнил Алешка. – С курса не сбились?

– Пока правильно. – Дед Мороз опять вздохнул.

– А куда? – поинтересовались мы в один голос. – В Лапландию?

– Нет, поближе, – снова раздался вздох. Какой-то вздыхающий Дед Мороз нам попался. – В бандитское логово.

Мы вылупили глаза и даже не сразу заорали:

– Поворачивай обратно! Тормози!

– Да разве ж его повернешь? Примитивная система. По ветру летит. А я этот ветер целую неделю ждал. С прогнозом сверялся. Кушать будете?

– Нам завтра в школу! – привел Алешка грозный довод.

– Не успеете, – Дед Мороз равнодушно махнул рукой. Потом достал все из того же мешка пакет с едой и бутылку с водой. И «успокоил» нас: – Ну, может, к летним каникулам вернетесь. Если повезет.

Мы переглянулись. Вообще-то, это нас, если честно, устраивало. Но вот родители...

– Родители с ума сойдут, – сказал Алешка тоном своей любимой учительницы. Она всегда так говорила, когдаставляла ему оценки за неделю.

– Сойдут, – согласился Дед Мороз, раскрывая пакет. – От радости.

Он еще шутит!

Настала пора решительных действий.

Я приподнял мешок с деньгами и подтащил его к борту корзины.

– Опускай шар! – приказал я твердым голосом. – Или прощайся с награбленным!

– Ты что! – заорал Дед Мороз и вскочил на ноги. С его колен посыпались на дно корзины бутерброды.

– А! – злорадно завопил Алешка. – Жалко?

– Да не мешок мне жалко, – торопливо пояснил Дед Мороз. – А человека!

Я чуть этот мешок и в самом деле не выронил. За борт.

– Какого еще человека? В мешке? Снегурочку?

– Какого, какого... – проворчал Дед Мороз, собирая бутерброды. – Которому мешок на голову бухнется. С такой высоты!

Да, об этом я сгоряча не подумал. И положил мешок на место.

– Поешьте лучше, – заботливо предложил Дед Мороз. – Лететь еще долго.

– До летних каникул, что ли? – испугались мы в два голоса.

Да, хороший мы подарочек получили. Новогодний. От Деда Мороза.

А мама нас к ужину ждет. И папа, наверное, с работы пришел. Впрочем, вряд ли. Если этот вздыхающий Дед Мороз и вправду банк ограбил, то папа домой поздно вернется. Он ведь у нас – чиновник. В Министерстве внутренних дел. Значит, сегодня всю ночь со своими сотрудниками будет разрабатывать меры по задержанию грабителя. Еще не зная, что вместе с деньгами он угнал и его собственных детей. Правда, случайно.

А грабитель – вот он! Сидит на дне корзины, задумчиво жует и нисколько не переживает.

Похолодало. Вокруг совсем стемнело. Под нами была земля. Над нами – громадина шара. Над ним – звезды. А вокруг – темнота.

– Огни на горизонте! – вдруг крикнул Алешка. – Со стороны столицы.

Дед Мороз проглотил кусок, привстал, всмотрелся.

– Ага, – сказал он, – правильно. Красные, зеленые, проблесковые. Вертолеты. Нас ищут. Привет от папеньки! Быстро он меры принял. По задержанию воздушного шара.

Вертолеты быстро приближались, нагоняли шар. Они шли на нас ровной шеренгой.

– Не найдут, – уверенно огорчил нас Дед Мороз. – У нас бортовых огней нету. – И потуже завернул кран горелки, пламя которой могло нас выдать.

Вертолеты, и вправду быстро догнав нас, деловито урча лопастями, прошли мимо. Три – справа, три – слева.

Дед Мороз опять достал компас, сверил наш курс со стрелкой. Поглядел вслед растворившимся в ночном небе вертолетам и включил горелку. Пламя пыхнуло и погнало горячий воздух в пузатое нутро шара. Шар, наверное, пополз вверх. По законам физики. Мы этого не почувствовали. Только еще холоднее стало.

– Отклонились немного, – пояснил Дед Мороз, хотя мы его об этом и не просили. – Поднимемся чуток, нужный ветер найдем. Нам отклоняться нельзя.

– Это тебе нельзя! – сердито буркнул Алешка. – А нам наплевать.

Действительно, какая нам разница, где в школу не ходить? На юге или на севере.

Мы демонстративно отвернулись и стали смотреть вниз. Тем более что это было интересно.

– Ты только не плюй, – предупредил я Алешку, потому что и меня самого подмывало какое-то неосознанное желание.

– Ничего, – беззаботно сказал Алешка и плюнул. – Развеется.

Внизу медленно смещались огни «печальных деревень» и городов. Иногда тускло блестя льдом причудливая петля – речка. Бежали друг за другом по шоссе световые пятна автомобилей фар. А вот, в стороне, помчалась живая цепочка огней – как светящаяся змейка.

– Поезд! – догадался Алешка и попробовал плюнуть на крышу вагона. Безрезультатно.

– Поешьте, ребята, – опять послышался сзади голос Деда Мороза.

Вот блин! Только что мы с ним познакомились в этой корзине, над уровнем моря, а уже так он нам надоел!

– Отвянь! – сказал Алешка непримиримо, но дрогнувшим голосом.

И мне стало его жалко. Все, что мы на елке в Сокольниках съели, уже давно куда-то провалилось. Да и на этой высоте, в ночном полете, аппетит появился.

Пришлось поесть. Вражеских бутербродов.

Дед Мороз щедро с нами поделился, налил в пластиковые стаканчики воды и сказал:

– Вы не думайте, ребята, что я настоящий грабитель. Просто попал в грустную и опасную историю. И вы вместе со мной. – Он отстегнул от лица белую бороду вместе с красным носом и выбросил их за борт. Лицо его оказалось молодым, худым и печальным. С таким лицом – только и вздыхать.

Дед Мороз снял свою красную шубу (под ней оказалось обыкновенное пальто) и набросил ее нам на плечи. Надо сказать, очень своевременно, мы уже зубами стучали и плечами трясли от холода.

И он стал рассказывать нам, вздыхая, свою «грустную и опасную историю». Среди облаков, в темном небе, на воздушном шаре, который летел неизвестно куда, в какое-то далекое бандитское логово...

А в это время мама разговаривала с папой по телефону.

– Ты знаешь, – говорила она, – мальчишки пошли на елку в Сокольники, и до сих пор их нет.

– Ерунда, не волнуйся, – отвечал папа торопливо (у него были другие заботы в связи с ограблением обменного пункта валюты и угоном воздушного шара). – Заигрались, загулялись...

– Они могли приз выиграть, – намекнула мама.

– Вот и хорошо. Стиральная машина нам не мешает. Все, старушка, пока, мне некогда...

– Боюсь, что они выиграли воздушный шар, – упавшим голосом призналась мама. – И куда-нибудь на нем улетели.

– Что?! – вскричал папа. И, наверное, вскочил.

Он уже знал, что человек, ограбивший обменный пункт, улетел с деньгами на воздушном шаре, где находились двое мальчишек с елки.

Но маме он этого не сказал. А сказал, чтобы она не волновалась раньше времени, совсем наоборот:

– Не бойся, наши мальчишки выиграть приз не могли. Они даже таблицу умножения не помнят.

– А она им и не нужна, – грустно пояснила мама, уже догадываясь, что ее тревога имеет все основания. – Приз – по номеру билета. Совпал номер – и получай полет на воздушном шаре. И куда этот шар теперь летит?

– Не знаю, – признался папа.

Мама так и ахнула.

– Ничего, догоним, – успокоил ее папа. – Мы подняли в воздух целую эскадрилью вертолетов.

Мама испугалась еще больше. Теперь уже за вертолеты.

– На твоём месте, – ледяным голосом посоветовала она, – я бы вернула эти вертолеты на базу. Пока не поздно. Целее будут. Ты же знаешь наших мальчиков.

Глава III НИ ФИГА СЕБЕ!

Этот Дед Мороз был какой-то нелепый человек. Начиная с его имени. Звали его почему-то Август. А фамилия – Майский. Август Майский! Глупее не бывает.

Разве что – Январский Июль.

И этот Август был молодой ученый. В области оптической физики. Или физической оптики. Он был талантливый, но невезучий. Однажды он сделал самое великое научное открытие. Которое должно было перевернуть весь мир. И поставить его на уши. Но, когда А. Майский защитил по этому открытию блестящую диссертацию, оказалось, что это открытие уже давно сделали три ученых в трех странах и убедились, что оно хоть и великое, но совершенно неправильное. И весь мир с его помощью никак не перевернется. И на уши не станет.

Тогда Дед Мороз Майский подумал и сделал другое великое открытие. И вместо того чтобы сразу его зарегистрировать, заболел корью или свинкой. А когда выздоровел, то узнал, что это второе великое открытие днем раньше уже зарегистрировал другой ученый, такой же умный. И получил за него громадную Нобелевскую премию.

«В третий раз закинул он невод». И сам в него попался...

...Мы летели себе и летели. А Майский Дед Мороз рассказывал и рассказывал.

– Пришел как-то ко мне мой старый приятель. Он – престижистатор...

Алешка икнул. С каким-то недоумением.

Дед Мороз это заметил и пояснил:

– Ну, попросту – иллюзионист в цирке. Фокусник.

– Я так и знал, – небрежно, глазом не моргнув, соврал Алешка. – А дальше что?

– А дальше он попросил меня сконструировать ему аппаратуру для циркового номера «Исчезающие вещи». Всякая мелочь. Очень эффектно. Выходит на арену зритель, кладет на столик какой-нибудь небольшой предмет, например, зажигалку или расческу. Раз, два, три! И прямо на глазах изумленных зрителей предмет тускнеет, теряет очертания и растворяется в воздухе. Здорово?

– Здорово, – кивнул Алешка с набитым ртом. – А зачем?

– Как зачем? Ведь интересно! – всплеснул руками Дед Мороз.

– Да? – Алешка с сомнением и осуждением покачал головой. – Исчезла чья-то вещь, а вам интересно!

– Да не на самом же деле! – воскликнул Дед Мороз. – И вообще, дело не в этом! – Он наконец вспомнил, что цель его рассказа не волшебный аттракцион, а грустная и опасная история, в которую он из-за него попал. – Сделал я такой аппарат. В виде столика с прозрачной крышкой. Разработал особую систему зеркал. Они медленно вращаются, и когда рефракционное отражение совмещается с диффузионным изображением, предмет неспешно и плавно становится невидимым...

А дальнейшие объяснения «эффекта Майского» стали еще «проще и понятнее». Настолько, что Алешка зажал уши, а я просто отвернулся.

– Неинтересно? – огорчился Дед Мороз.

– Интересно, – вздохнули мы. – И главное – очень понятно.

– Особенно, – добавил Алешка, – про эти... как их... – Он пошевелил пальцами, но повторить мудреные слова так и не смог. Я – тоже.

– Вот такие дела, – задумчиво опустив голову, закончил свой рассказ Майский Дед Мороз.

– А что ж здесь грустного? – удивились мы.

– А... – он поднял голову. – Я и забыл о главном. – Он, похоже, по жизни такой – все время забывает о главном. – В моей лаборатории работал один смысленный юноша. И как-то раз он стал участником моего опыта. А этот милый юноша, как выяснилось, к сожалению, слишком поздно, был членом одной очень бандитской шайки. И, совершенно не разбираясь в оптической физике, он сообщил своему главарю, что я открыл способ делать предметы невидимыми. – Дед Мороз покачал головой, обхваченной руками. – Представляете, ребята, какие ошибочные перспективы открылись перед этими глупыми жуликами? Они, дураки, размечтались: заходим в банк, делаем деньги невидимыми и выносим их «сколько хотим, куда хотим». И сами, «если захочем», будем невидимыми. И для охранников, и для телекамер. Обрадовались!..

– А вместо жуликов, – перебил его Алешка, – ты сам эти деньги спер, да? Своим «эффектом Майского».

– Господи! – взмолился Дед Мороз с благодарностью в голосе и затопал ногами так, что корзина затряслась, а шар запрыгал в темном небе. – Как хорошо, что я не школьный учитель и не родитель этих детей! – И заорал, стуча себя в грудь: – Да ничего я не пер! Меня обстоятельства заставили! Я на время взял, я честный человек!

– Курс проверь, честный человек, – спокойно посоветовал Алешка.

– Да, конечно, – Дед Мороз успокоился, повертел компас. Нашарил где-то под собой мохнатые варежки, достал из них очки и водрузил на нос. А варежки, как и бороду, выбросил за борт. И опять застонал: – Вы не понимаете, вы – дети! А они пришли ко мне, разгромили мою лабораторию и захватили меня в плен! Увезли куда-то вдаль, в свое бандитское логово, и поставили условие: либо я работаю над своим изобретением под их контролем, либо я, в противном случае, плачу им огромные баксы!

– И ты согласился? – с невыразимым презрением спросил Алешка.

Надо сказать, что он имел на это презрение моральное право. Потому что в свое время одни нахрапистые рэкетмены тоже попробовали поставить его в аналогичное положение. Но им это не удалось. Алешка сумел это положение изменить со своего вреда в свою пользу. И наоборот: с их пользы – им же во вред.

– А что я мог сделать? – вздохнул совершенно растаявший Дед Мороз.

– Бороться, – сказал Алешка уверенно.

– А как? Ведь они захватили в заложники мою невесту! Дашеньку! – И Дед Мороз уронил голову на колени.

Да, вот это серьезно. Когда опасности подвергается слабое женское существо, мужчинам приходится воевать с особой осторожностью.

Алешка машинально положил руку на голову Деду Морозу и сочувственно ее погладил. От этого движения с головы Августа сползла шапка вместе с седым париком, а вместо него заблестела под звездами голая лысина. И он еще больше стал похож на настоящего ученого.

– Верни волосы, – сказал Дед Мороз, – голове холодно. И вообще...

И я понял, что и в душе у него ледяной мрак.

– ...Вот и летим мы к ним. С попутным ветром. С мешком денег. И с чужими детьми в придачу.

– А бежать ты пробовал? Со своей невестой?

– Куда там бежать? Место глухое, снега кругом. Ограда в три метра высотой. Железные ворота на запоре. И собака – вот такая, – он широко развел руки, показывая, по крайней мере, слона.

– Охрана есть? – деловито спросил Алешка.

– Двое. Правда, они часто куда-то уезжают...

– Ну вот! Подходящий момент.

– А там старуха остается. Мамаша главаря ихнего. Баба Яга!

– Вот напугал. И ты от старушки убежать не смог? А еще молодой ученый!

– Это такая грозная бабка, – оправдался Дед Мороз. – На мотоцикле гоняет, дерется, как ниндзя. И стреляет, как Робин Гуд. Один раз я на забор полез. Так она мне пяткой так врезала по пояснице... – Он привстал и показал – куда именно.

– Поясница гораздо выше, – сказал я.

– Все равно больно, – пожаловался Дед Мороз.

– Ладно, – решили мы, переглянувшись, – Бабу Ягу мы берем на себя.

– У вас что – опыт есть? – усмехнулся Дед Мороз.

– У нас своя бабушка есть. Пострашнее вашей. – Мы помолчали для большего эффекта. – Она зубной врач. Без наркоза.

– Да ну! – Дед Мороз чуть не сполз со скамейки: так испугался. Или посочувствовал. – И вы с ней...

– Мы с ней дружим, – сказал я. – По телефону. И разговариваем ласково. Не разжимая губ.

– Ну, тогда, конечно, – протянул Дед Мороз и вдруг спохватился: – Мы самое главное забыли. Мне-то бежать не надо, меня и так отпустят, за деньги. А вот вас...

Наконец-то дошло!

– Сажай шар!

– Это не так просто. Да и поздно уже, – вздохнул Дед Мороз. – Прилетели. Нас встречают.

Мы выглянули из корзины. Внизу было темно и пусто. Один снег кругом и зубчатая полоска леса вдали. А чуть в стороне, отбрасывая на снег длинные тени, стоял какой-то дом за забором, и перед ним светились четыре точки квадратом.

– Костры, – пояснил Дед Мороз. – Посадочная площадка.

Он давно уже не включал горелку, и шар летел низко над землей, а впереди него бежала по сугробам черная тень от луны.

Между костров, задрав головы, стояли какие-то люди и какая-то штуковина.

Дед Мороз сбросил вниз длинный канат. Конец его побежал по земле. Один из встречающих подхватил его и прикрепил к штуковине – это оказалась лебедка. Другой стал крутить ее барабан. Канат натянулся, шар остановился. И начал опускаться, подтягиваемый к земле лебедкой.

Дед Мороз сбросил трап, стал спускаться, держа в руке мешок с деньгами.

– Внимание! – дурашливо заорал один из встречающих, маленький и толстый. – Совершил посадку авиалайнер, прибывший рейсом ноль-вторым из Москвы!

Мы тоже приготовились к высадке. Удрать не получалось, шар надежно прихватили к земле тросом. Алешка сбросил вниз шубу Деда Мороза, нарочно стараясь попасть в парня, который орал про посадку.

Шуба свалилась прямо на него. Он не ожидал такого подарка, с трудом устоял на ногах и почему-то очень испугался. Забился под шубой, стал махать руками, чтобы поскорее ее сбросить. Будто не шуба на него навалилась, а страшный медведь.

– А это зачем? – зло спросил второй парень, худой и длинный, показывая на нас.

– Они уже в корзине сидели, – объяснил Дед Мороз. – Пришлось взять с собой.

– Зря ты их привез. – Парень что-то закрепил на лебедке, подошел поближе. Смотрел на нас, а говорил Деду: – Твои, что ли? Не знал.

– Не мои, – сказал Дед Мороз, подбрасывая в руке мешок с деньгами, – чужие. Не выбрасывать же их, – и опять подбросил мешок.

– Лучше бы выбросил, – сказал парень. И было понятно, что он говорит про нас, а не про мешок с деньгами. – Доложу шефу. Я тебе не завидую.

– Я вам тоже, – буркнул Дед Мороз. – Это еще те детки!

– Вылазь, – скомандовал нам тот парень, который боролся с шубой. – На допрос.

Мы выбрались из корзины, огляделись. Хотя разглядывать особо было нечего. Дом из-за высокого забора выглядел только своими верхушками-башенками. От ворот уходила в темную даль узкая, в один ряд, дорога между сугробов. Было тихо. Только за забором гремела собачья цепь.

Шар висел над самой землей, сильно сдутый, будто уставший от трудного пути.

Охранники распахнули ворота, взяли шар, как лошадь, под уздцы и повели за забор. Мы поплелись следом.

– Не бойтесь, – шепнул нам в спину Дед Мороз. – Нас скоро найдут.

– По следам, что ли? – обернулся я. – В синем небе.

– Именно! По следам! Я нарочно из корзины свои вещи выбрасывал. Рукавицы там, бороду, шапку... Наследил, в общем.

Ага. Мальчик-с-пальчик нашелся.

Мы вошли в ворота. Охранники повели шар к такому... вроде как пластмассовому ребристому сараю, вроде высокого ангара, приказав нам «оставаться на местах».

Во всех окнах дома горел свет. Дом был похож на старинный терем. Резной, весь в столбиках и завитушках. А забор вокруг – из заостренных бревен, тоже вроде как старинный. Красивый дом. Не скажешь, что бандитское логово.

У высокого крыльца, на столбиках и под чешуйчатой крышей, скакал на цепи, рвался и грозно лаял хриплым голосом громадный лохматый пес.

– Ух ты! – восхищенно пропел Алешка. – Какой красивый!

Пес замолчал – ему понравилось. Он внимательно посмотрел на Алешку и махнул ему хвостом.

Меня это не удивило. Нашего Алешку все животные любят. Даже тараканы.

Охранники загнали шар в ангар, как слона в стойло, закрыли ворота и вернулись к нам.

– С тобой все ясно, – сказал один из них Деду Морозу. – Иди к шефу, сдавай выручку. А что с вами делать? – это он нас спросил.

Мы и ответили:

– Накормить, спать уложить, а утром домой доставить, к родителям. Они будут вам благодарны.

– Это мысль! – ухмыльнулся тот, который шубы испугался. – Сколько они за вас дадут? За каждого?

– Наш папа, – нашелся Алешка, – безработный инженер, вы с него ничего не получите.

«Кроме больших неприятностей», – мысленно добавил я.

– Ладно, запрем их в сарае до утра. Пусть шеф решает.

В это время на крыльцо вышла та самая Баба Яга. В полушубке, в джинсах и в коротких сапогах.

– Бог мой! – взвыла она, увидев нас. – Какие очаровательные дети! Я займусь вашим воспитанием. И сделаю из вас настоящих бандитов.

– Спасибо, не надо, – вежливо отказался Алешка. – Нам и так хорошо.

– А тебя никто и не спрашивает, – отрезала бабка.

По-моему, она была немного сумасшедшая.

Глава IV

В БАНДИТСКОМ ЛОГОВЕ

Логово оказалось ничего себе. Оно и внутри было похоже на старинный терем. Хотя, по правде, мы эти терема ни снаружи, ни внутри живьем никогда не видели. Только на картинках да в кино. Но и сейчас нам осмотреться не дали. Баба Яга, как только мы вошли в дом, сказала:

– Будете жить в комнате для гостей. На втором этаже.

– Мы не собираемся у вас жить, – сказал я. – У нас свой дом есть.

– А вас никто и не спрашивает. Марш наверх, двумя ногами сразу! Вот так, – и она, грохоча сапогами, запрыгала по ступеням, будто у нее были связаны ноги.

Мы переглянулись, выпучив глаза. Алешка постучал себя пальцем по лбу. Я с ним согласился.

Но у Бабы Яги было свое на уме. Она скакала по лестнице и приговаривала в такт прыжкам:

– Это уп-раж-нение прек-рас-но раз-ви-вает икроножные мышцы, – последние два слова она проговорила нормально, потому что уже доскакала до площадки и остановилась перед дверью.

– Двери открывать только ногами! Вот так! – и она, подпрыгнув, ахнула сапогами в дверь.

Та с треском распахнулась, и за ней что-то упало. И послышался недовольный мужской голос:

– Мама, вы опять за свое!

Мы мигом взбежали по лестнице – посмотреть, что там грохнулось.

За распахнутой дверью вставал с пола, приложив руку ко лбу, толстенький мужчина, похожий на Карлсона без пропеллера. Он был в клетчатой рубашке и широких цветных подтяжках на пуговицах.

– А это еще кто? – спросил он про нас.

– Это дети Августа, – забредила старушка. – Он подарил их мне. Я возьмусь за их воспитание.

– Не надо, мама, – попросил Карлсон, – у нас и так уже все двери расшатаны. Отведите их в комнату и уложите спать. А ты, Карпухин, – это он приказал маленькому и толстому, – будешь их стеречь, чтобы не удрали.

– Я не Карпухин, – обиделся тот. – Я Алехин.

– И чего я вас все время путаю? – огорчился Карлсон. – Вы же такие разные.

Действительно, они были разные. Один – маленький и толстый, а другой худой и длинный. Один – чаще всего веселый, а другой – чаще всего злой. У одного шнурки на ботинках все время развязывались, и он постоянно из-за этого спотыкался. А у другого, – наоборот, затягивались в мертвые узлы. И он все время ругался, пытаясь их распутать. Словом, совсем разные. Но чем-то очень похожие. Может, тем, что оба одинаково неправильно говорили. Алехин говорил «мармалад», а Карпухин – «вармишель». Толстый говорил «тубаретка», а худой – «скрипя сердцем». Но это не главное, что делало их похожими друг на друга. И мы долго не могли это понять. А потом догадались. Но гораздо позже...

В отведенной нам комнате была всякая мебель и три кровати. И при виде их мы вдруг почувствовали такую усталость, будто не на шаре из Москвы летели, а пешком шли. Глубокими, необозримыми снегами.

Поэтому мы сразу же бухнулись, не раздеваясь, на постели и мгновенно вырубались.

– Пусть они завтра нас на станцию отвезут, – пробормотал я Алешке вместо «спокойной ночи».

– Ага, – пробормотал он в ответ. – Только Лорда с собой заберем.
«Хоть короля», – подумал я из последних сил...

А потом я вдруг проснулся и долго не мог уснуть. То ли мне мешал отчаянный храп толстяка Алехина, то ли луна за окном, то ли собачий лай во дворе, а скорее всего – тяжелые и тревожные мысли.

Было ясно – мы попали в руки каких-то бандитов, и так просто они нас не отпустят.

За себя я не очень беспокоился, я уже почти взрослый, а вот за Алешку сердце сжималось. Он в нашей семье – самый маленький. И самый талантливый. «Очень способный юноша, – говорит про него папа, – на все способен». Это он говорит с иронией. Но Лешка и в самом деле на все способен. Любая неисправная техника оживает в его руках. И прямо каким-то чудом: Лешка ткнет куда-то отверткой, трахнет изо всех сил молотком – и пожалуйста – все заработало. Правда, не всегда так, как положено. Миксер у него вдруг превращается в пылесос, неисправный магнитофон – в исправную кофеварку. Настенные часы становятся вдруг будильником, а мамин фен – фонариком.

А как Лешка рисует! Один раз он за две секунды наваял мамин портрет. Да так здорово, что мама чуть не заплакала от гордости: неужели это я, такая красивая, а я и не знала. Тогда Лешка тут же нарисовал папин портрет... Папа потом с ним целую неделю не разговаривал, а мама целую неделю хихикала, когда взглядывала на папу.

И еще Лешку все животные понимают, прямо с полуслова. И всегда его слушаются, даже огромные злые собаки. Я как-то видел, что из-за него два дворовых кота подрались. Лешка черного погладил, а рыжего не успел приласкать. Так тот, обиженный, таких черному оплеух накатал!

Из-за всяких животных Алешка постоянно с кем-нибудь воюет. Даже с нашими родителями. Мама однажды прогнала с подоконника голубей, которые там гадили, а Лешка ей строгое замечание сделал:

– Птиц нужно беречь. Ведь они тоже наши четвероногие друзья.

И с папой он один раз здорово поссорился. Из-за таракана. Папа их боится и ненавидит. И вот на кухне выполз из-под плиты таракан. Папа тут же тапочку снял и хотел его прихлопнуть, а Алешка как заорет на него:

– Ты что! Тебе его не жалко? Он в тысячу раз меньше тебя! Крошку хлеба для него пожалел, да? А его, может, за плитой голодные детки ждут!

– Да я этих голодных деток... – Папа даже дар речи потерял. – Да я их... Да они у меня...

Алешка встал из-за стола и строго сказал:

– Стыдно, молодой человек! – он эту фразу, наверное, где-нибудь в очереди услышал. И запомнил на всякий случай. Вот она и пригодилась.

Папа так и остался с открытым ртом. И так и пошел в кабинет – в тапочке на одной ноге и с другой тапочкой в руке.

А мама сказала ему вслед с восхищением:

– Какое доброе сердце у ребенка!

А наш ребенок в тот же вечер (это как раз накануне нашего отлета произошло) такое натворил!..

Подходит ко мне и сообщает:

– Дим, а каникулы-то кончаются. Скоро настанут скучные трудовые будни.

– Ну и что? – не понял я, к чему он клонит.

– Что-что? Мы за все каникулы так ни разу с большой горки на снежокате не покатались. Обидно.

– Ну и что? – опять не понял я. Не догадываясь о его коварном замысле. – У нас же его нет. Мама говорит: нам денег и так еле-еле на косметику хватает.

– Да? – он на секунду задумался. – Ладно. – Еще чуть подумал и попросил: – Дай мне твои фломастеры. А то я свои уже все изрисовал.

И он закрылся в папином кабинете. А через час потребовал ножницы. А через полчаса оделся и куда-то, весь такой загадочный, исчез.

А еще через полчаса вернулся. Да не один. Вместе с ним пришел какой-то приятный молодой человек. Одной рукой он держал Алешку за капюшон куртки, а в другой держал пачку сторублевок.

Молодой человек оказался продавцом из спортивного магазина. И он как-то смущенно спросил папу, который в это время как раз пришел с работы:

– Это ваш мальчик? Он очень способный. Ему обязательно надо учиться. – И показал нам пачку денег. – Вот!

– Чему учиться? – испуганно спросил папа. – Деньги красть?

– Рисовать!

Мы пригляделись и ахнули все вместе. Этот «наш способный мальчик» за какой-то час времени обычными фломастерами нарисовал целую пачку денег. Чтобы на них снежокат купить.

Деньги были очень похожи на настоящие. Только криво обрезанные и белые с изнанки – поленился способный юноша.

Зато папа не поленился. Такого скандала у нас еще не было.

Папа кричал, хватался за голову, размахивал руками и бегал по комнате. А мама бегала за ним с валерьянкой и стаканом с водой.

Наконец он успокоился и остановился:

– Ты все понял, Алексей?

Алешка послушно кивнул:

– Понял. Надо было с двух сторон раскрашивать.

И все началось сначала: бег по комнате, хватание за голову и воздымание рук к потолку...

И тут, лежа без сна и вспоминая всякие эпизоды из нашей семейной жизни, я понял, что мы не пропадем. Выберемся из этого бандитского гнезда. Особенно если Лешка что-нибудь придумает. Нужно только немного сдерживать его инициативу и взять руководство нашей борьбой за свободу в свои руки. С тем я и заснул. Под отчаянный храп Алехина и густой басистый лай Лорда за окном.

Разбудил меня опять же собачий лай во дворе.

Алешка сидел на подоконнике и разговаривал через стекло с Лордом. Тот прыгал и звенел цепью.

– Сейчас мы с тобой умоемся, почистим зубы, – говорил ему Алешка, – и поедем на станцию. Будешь жить с нами, я тебя с родителями познакомлю. – И добавил мстительно: – И с нашей учительницей. Ей понравится...

Лорд внимательно слушал, а когда Алешка замолкал, принимался требовательно лаять. Видно, с ним редко разговаривали. Особенно по-человечески.

Алешка спрыгнул с подоконника:

– Проснулся? Собирайся, домой пора.

Тут открылась дверь, и вошел Карлсон.

– Стучаться надо, – сказал я сердито.

– А где Дед Мороз Август? – спросил Алешка. – Уже уехал?

– Еще нет! – как-то противно засмеялся Карлсон и стал похож на злобного поросенка. – И не уедет до тех пор, пока не выполнит мои условия.

– Это еще какие условия? – завопил Алешка, который совершенно не выносил несправедливости и наглого обмана. – Деньги он для вас украл? Украл. Вот и подавитесь!

– Ты отцу будешь советовать, – разозлился Карлсон, – когда с ним увидишься. – И опять противно засмеялся. – Но это будет не скоро. Я отпущу вас, когда получу за вас денежки.

– Фиг получите, – сказал я уверенно. – У нашего отца вообще денег нет, не только на выкуп.

– Квартиру продаст, – не менее уверенно возразил Карлсон, – ради таких-то деток.

– Не продаст, – злорадно врезался в разговор Алешка, сочиняя на ходу. – У нас квартира казенная, папа дворником подрабатывает – ему и дали две комнаты. В подвале.

– Ну тогда мамочка что-нибудь продаст. – Карлсон заметно терял уверенность и терпение.

– А у нас нет мамочки, – на всякий случай и тут соврал Алешка. – Она нас бросила. У нее теперь другой папочка. В Прибалтике.

Карлсон откровенно поскреб затылок – он уже дуреть начал от нашей информации. Папа – дворник-инженер, мама – в Прибалтике...

И тут его терпение лопнуло. Он вытащил из кармана блокнот, выдрал из него страничку и прихлопнул ее ладонью к столу.

– Садись! – рявкнул он (мне или Алешке). – Пиши!

– Сам пиши! – сказал Алешка.

– Я не умею! – сказал я.

– Ну все! Мирные переговоры сорваны! Сейчас я позову маму, и она вас выпорет. По-настоящему. Она умеет, сам знаю.

– Пусть только попробует! – спокойно сказал Алешка.

И в руках его появился пистолет, направленный прямо Карлсону в лоб.

И они тут же исчезли за дверью – Карлсон и его лоб.

– Брось сейчас же! – завизжал Карлсон в коридоре, изредка просовывая испуганное лицо в дверную щель.

– Щаз-з! – злорадно сказал Алешка. – Разбежался!

Карлсон исчез, и было слышно, как он затопал по ступеням.

– Где ты его взял? – спросил я Алешку про пистолет.

Он небрежно пожал плечами – подумаешь, задача:

– Под подушкой.

– Дай посмотреть.

Я взял пистолет – он был тяжелый и настоящий – и вынул из рукоятки обойму. Патронов в ней не было.

– Ну и пусть, – легкомысленно отмахнулся братишка. – Они ведь этого не знают.

– Узнают! Ищем патроны!

А внизу послышался грозный крик Карлсона:

– Карпухин! Где твой пистолет?

– Во!

– Алехин! Где твой пистолет?

Молчание.

А потом злобный вопль Карлсона:

– Идиот!

– А в нем патронов нет, – оправдался Алехин.

Мы лихорадочно обыскивали комнату, перевернули и выдвинули все, что смогли, даже матрасы на пол сбросили – патронов не было.

– Ищи, ищи, – подстегнул я Алешку, а сам начал сооружать баррикаду у двери. Чтобы выиграть время.

По лестнице опять затопали бандитские ноги. Но баррикада уже была готова: тумбочка, на ней – телевизор, на телевизоре – большая стеклянная ваза.

Но это не очень нам помогло. Мы не учли, что дверь открывалась наружу.

Правда, все равно неплохо получилось, когда бандиты во главе с Карлсоном распахнули дверь. Баррикада оказалась неустойчивой и рухнула прямо на них. Тумбочка, правда, устояла. Телевизор, увы, разбился с гранатным грохотом. Ваза, кстати, тоже – разлетелась на тысячу осколков об голову Карлсона.

Когда бандиты выбрались из-под обломков, на них опять смотрел неумолимый и грозный пистолетный ствол в моей руке. Правда, пустой.

– У вас патронов нет, – неуверенно сказал, кажется, Алехин. – Вот они, – и он потряс кулаком с зажатыми в нем патронами.

– У нас свои были, – сказал я и злорадно потряс пистолетом: – Вот они!

– Оставьте их в покое, – послышался властный голос Бабы Яги. – Я сама с ними справлюсь.

И она, оттолкнув тумбочку, смело шагнула в комнату.

– Вы ведь не станете стрелять в женщину? – уверенно спросила она.

«Особенно, в такую, – подумал я, – ее и так жалко». И опустил пистолет.

– Ну и зря, – сказал Алешка с досадой.

Баба Яга забрала у меня оружие. Бандиты, осмелев, ввалились в комнату.

– Они мне нравятся, – сказала старушка. – Из них выйдет толк.

– Письмо мы все равно писать не будем.

– Ну и не надо. Будете жить здесь. И Августа с его Дашкой я не отпущу...

– А если напишем? – спросил я. – Отпустите?

– Конечно! И вас тоже. За деньги.

– Честно? – спросил Алешка. И по его хитрому голосу я понял, что он что-то задумал.

– Еще как честно-то! – ухмыльнулся Карлсон.

– Нам надо подумать, – сказал я. – Посоветоваться. И с Августом Майским – тоже.

– Это наше условие, – сказал Алешка таким тоном, что было ясно – он ни за что не уступит.

Алехин посмотрел вопросительно на Карлсона, Карлсон – на свою маму. Та подумала и кивнула.

– Даю вам два часа, – сказала она, выходя из комнаты. – И приберитесь здесь.

– Еще чего! Кто натворил, тот пусть и убирает.

Да, они еще не раз пожалеют, что мы попали на этот шар. Это я по Алешкиным глазам понял.

Когда они убрали все осколки и обломки и оставили нас в покое, мы стали по-быстрому соображать – а нельзя ли как-нибудь попроще выбраться на волю?

Окошко отпадает – на нем, хоть и красивая, но все-таки решетка. Дверь в коридор тоже не пойдет. А вот за шторкой еще одна дверь – неизвестно куда.

Я повернул ручку, и дверь без лишних слов оказалась незапертой. За ней было что-то вроде чуланчика со встроенным шкафом и еще одна дверь. Но без ручки.

Алешка бухнул в нее ногой.

– Кто там? – раздался чей-то нежный голосок. И дверь распахнулась.

За дверью стояла молодая девушка с ресницами и длинной косой. «Наверное, невеста Деда Мороза», – догадались мы.

– Здравствуйте, – вежливо буркнул Алешка.

Девушка хлопнула ресницами и приветливо улыбнулась.

– Вы тоже попались? – спросила она.

– Мы ненадолго, – пообещал я. – Удерем, когда надоест.

– Это ваш Август нас затащил! – сказал Алешка.

– Но он же не нарочно! – Девушка Даша прижала руки к груди. – Он такой доверчивый. И непрактичный!

«Оба вы хороши», – составил я в уме впечатление от этой беспомощной пары.

– Представляете, эти невежественные люди, – продолжала ахать девушка, – вбили себе в голову, что Август и впрямь может сделать их невидимками. Чтобы они могли безнаказанно совершать преступления.

Это мы уже знали. Но какая-то хитрая мысль зашевелилась в моей голове от этих слов. Я попытался ее ухватить, но она вильнула хвостиком и золотой рыбкой ускользнула от меня.

Ничего, в нужный момент, я уже знал по опыту, эта рыбка вернется и исполнит наши желания.

– Приятно было познакомиться, – сказала Даша.

Ей было неловко за своего жениха, который невольно втянул нас в бандитское логово. А сам скоро вместе с ней выйдет на волю. В чем я очень сомневался...

Глава V

ВСЕ РАВНО УДЕРЕМ!

А я оказался прав в своих сомнениях. Вскоре к нам пришел Дед Мороз Август со своей снегурочкой Дашей и с подносом, на котором принес нам скудный завтрак.

Алешка запер дверь и со словами: «Не люблю, когда за мной подглядывают» – уселся за стол.

Дед Мороз вздохнул – длинно так и безнадежно – и сказал трагическим голосом:

– Они меня обманули.

Мы пожали плечами: мол, что от них ожидать?

– Они сказали, – продолжил он, – что не отпустят нас, пока я не создам для них прибор «Невидимка».

– Да вы объясните им, – вспыхнул я, – что они ошибаются, что такой прибор создать невозможно.

– Они не верят, – Майский опять вздохнул и жалобно и виновато посмотрел на свою невесту. И повторил совсем упавшим голосом: – Они не верят.

– Вот и хорошо, – неожиданно выпалил Алешка.

– Что ж тут хорошего? – искренне удивилась Даша. И захлопала ресницами.

– Мы используем их глупость в своих целях. – Алешка отодвинул поднос и сказал мне: – Все не ешь, Лордику оставь. – Заботливый такой.

А я подумал о том, что вначале нам придется помочь Майскому и Даше удрать отсюда, а уж потом позаботиться и о себе. Потому что от них самих толку не будет. Майский, хоть и очень умный ученый, только вздыхать умеет. Даша – это вообще такое нежное, голубоглазое и беспомощное существо, вроде самого Майского. Даже еще хуже. Только и способна хлопать глазами и класть ему руку на плечо, утешая. Без нас они пропадут.

– Будем тянуть время, – решил я. – Мы напишем бате письмо...

– Ага, – подсказал Алешка, – на деревню дедушке. Как Ванька Жуков.

– ...А вы, Август Ильич, будете работать над прибором.

– Да это бессмысленно! – возмутился Майский. И я понял, что даже самые умные ученые могут быть глупыми, во всяком случае – в практическом смысле.

– Вы будете делать вид, что работаете, – терпеливо пояснил я, – а за это время мы подготовим вам побег. Поняли?

Майский вздохнул и неуверенно согласился:

– Кажется...

– И, может быть, – продолжил я, – мы ухитримся сообщить обо всем нашему папе.

– Да, – мечтательно вздохнул Алешка. – Уж он тут навел бы порядок! В пух и прах!

– Крутой, да? – спросил с надеждой Майский.

– Круче не бывает, – скромно ответили мы.

Но надежда в глазах Майского тут же угасла.

– А как же он нас найдет? Мы же не знаем, где находимся. В каком краю.

Вот это здорово! Ученый, называется! Летели-летели, на головку сели!

– Сюда они привезли нас с мешками на голове, – оправдывался Майский. – А потом задали мне курс для полета. По компасу. Сказали несколько примет по пути: одна речка, другая, третья. Военная часть под крылом. Четыре костра квадратом. Вот и все!

Конспираторы! Лучше бы мы все-таки заблудились.

Да, задача осложнилась еще больше...

Когда они ушли, Алешка сказал:

– Пошли во двор, приглядимся к обстановке.

Он собрал в пакет остатки еды для Лорда, и мы вышли из комнаты.

В доме никого не было – бандиты, наверное, разошлись по своим бандитским делам. Только слышались на весь дом какие-то глухие удары и дикие вскрики.

«Ничего себе», – подумали мы. Испуганно.

И подкрались к двери, из-за которой эти звуки доносились.

Я осторожно приоткрыл ее, и мы приникли к щелочке.

Эта комната была вроде небольшого спортзала. Со всякими прибабасами в виде тренажеров. Посреди комнаты висела боксерская «груша», и вокруг нее скакала Баба Яга и молотила ее руками, ногами и головой. И при этом орала диким голосом. Особенно когда головой билась.

Мы тихонько прикрыли дверь.

– Атаманша какая-то, – шепнул Алешка.

Во дворе он первым делом покормил Лорда, и тот с удовольствием поел из его рук. Сияя глазами, сверкая зубами в собачьей улыбке, он так махал пушистым хвостом, что позади него на снегу металась маленькая поземка.

Алешка отстегнул его цепь, и Лорд пошел с нами осматривать территорию нашего заточения. Он ходил впереди Алешки так, будто гостеприимный хозяин показывает дорогому гостю все, что он может от всего сердца предоставить в его распоряжение.

Но толку от этих хождений получилось мало: запертые железные ворота, высоченный забор из заостренных бревен, которые, как громадные карандаши, торчали по трем сторонам двора. А сзади – вместо забора – высокий пластмассовый ангар, где прятался сдутый аэростат, так и не долетевший до Лапландии.

За ангаром виднелось еще одно здание, из белого кирпича, похожее на мастерскую, а за ней опять забор, тоже из бревенчатых кольев.

Нет, отсюда так просто не удерешь...

– Угоним машину, – предложил Алешка, показывая на стоявшую в углу двора зеленую «Ниву».

Я подозрительно посмотрел на него. После недавней истории с рисованными деньгами я ко всему был готов.

– А ты их уже много угонял, да?

– Научимся, – уверенно пообещал Алешка. – Сразу за воротами.

– Догонят, – не принял я его план. – Вон на той, – и показал на стоящий в другом углу мощный джип.

Лорд тявкнул, подтверждая мои слова.

Но Алешка не успокоился.

– А это что такое? – обрадовался он, подбегая к снегоходу типа «Буран». Смахнул снег с сиденья, уселся, взялся за руль: – Понял?

– Нет, – сердито признался я, недовольный его легкомыслием. Тут такие дела заворачиваются, а ему, видишь ли, покататься захотелось. Но я опять ошибся в своем непредсказуемом младшем брате.

– Мы на этой штуке удерем, – сказал он, а Лорд одобрительно залаял. – Запросто! Все вместе! Я – за рулем, Дашка – сзади, а тебя с Майским на лыжах возьму на буксир. Как дунем по снежному полю – фиг они нас догонят!

Это верно, по снежному полю машина вдогонку не поедет. Но вот Майский... Он наверняка сразу же, за воротами, лыжи или перепутает, или сломает. И я сказал об этом Алешке. Но это его не смутило.

– Санки прицепим, вон те, – и он показал на довольно приличные сани у ангара. – Еще лучше получится.

Но я опять засомневался:

– А ты что, умеешь им управлять?

Ответ был тот же:

– Научимся!

– Сразу за воротами, да?

– Ну и что? Как помчимся – до самой Москвы.

– А где она, ты знаешь?

– Майский знает, – не смутился Алешка. – У него компас есть.

«Скрипя сердцем» я согласился. Хотя на Майского у меня особой надежды не было. Он или забудет самое важное, или перепутает что-нибудь в решающую минуту. Например, стороны света. И умчимся мы куда-нибудь на Аляску или в Канаду. Ищи нас потом, папочка, через свой великий Интерпол...

И мы стали готовиться к побегу. Как раз вернулись (на третьей машине) Карлсон с Карпухиным с очередного разбоя. Правда, они заехали не в ворота, а обогнули забор и загнали машину (это была красивая длинная иномарка с черными стеклами) в каменный сарай, который был похож на мастерскую. И, чем-то очень довольные, вошли во двор.

– Ладно, – сказал я Карлсону мрачно и сердито. – Напишем письмо. Диктуйте.

– Я ж говорил, – обрадовался он, – что всегда будет по-моему. Пошли в кабинет. А кто Лорда отвязал?

– Сам отвязался.

В кабинете Карлсона нам понравилось. У него там не было никакой мебели, кроме письменного стола, а все стены были завешаны красивыми картинами из разных кусочков дерева. На них были прекрасные церкви на закате, березки в поле, всякие сказочные сюжеты, даже портрет мамы Яги в среднем возрасте.

– Мои работы, – гордо сказал он. – Грехи, так сказать, молодости.

– Вот вы бы их продали, – простодушно посоветовал Алешка, – чем деньги грабить.

– Это творения не только руки, но и сердца! – воскликнул Карлсон. – Такое не продается.

А я понял, что он жулик по убеждению. А вовсе не из-за жестокой нужды. Таким все мало, сколько бы ни награбили.

Я сел за стол и сказал Карлсону:

– Диктуйте.

– Как отца зовут?

– Сережа, – сказал я.

Карлсон ухмыльнулся:

– Ну, пиши: «Дорогой Сережа, твои дети – Алексей Сергеевич и Дмитрий Сергеевич – в целостности и сохранности находятся вдали от столицы Российской Федерации. Чтобы благополучно вернуться домой, им нужны деньги на обратную дорогу (сюда они добрались бесплатно, „зайцами“, так сказать) в сумме около двадцати тысяч долларов. Если вы меня правильно поняли, то в среду, в восемнадцать часов, пройдите вдоль фасада магазина „Детский мир“. Из правого кармана вашего пальто должен торчать воскресный номер „Московского комсомольца“. После этого вы получите дальнейшие указания».

– Написал? Дай посмотреть.

Карлсон наклонился над листком и перечитал письмо: проверил, не сообщил ли я между строк чего-нибудь лишнего с его точки зрения, и сказал:

– Молодец, бери конверт, надписывай.

А Лешка подмигнул мне и сказал, напоминая:

– Адрес не перепутай.

Это я и без него давно сообразил и даже обратил внимание, что ни письмо, ни конверт Карлсон в руки не брал. Я понял – он боится оставить отпечатки пальцев.

Адрес я написал быстро и «правильно». Только поменял местами номера дома и квартиры. Теперь это письмо будет бродить из подъезда в подъезд и окончит свои дни на помойке. А мы за это время найдем способ удрать отсюда.

– Карпухин! – крикнул Карлсон в форточку. – Иди сюда!

Когда тот поднялся в кабинет, Карлсон дал ему указания:

– Поедешь в столицу, вот по этому адресу, опустишь письмо в почтовый ящик. Прямо в подъезде, понял?

Вот это мне не понравилось. А если на нашей улице нет дома номер 125? Обман сразу раскроется. И грянут репрессии. Нас вообще могут запереть в комнате. Или в подвале. И тогда все наши планы рухнут.

Точно, нет такого дома – я вспомнил. Наша улица на доме 60 кончается. Но было уже поздно: Карпухин сидел в машине.

– А почему вы написали «около двадцати тысяч»? – спросил Алешка Карлсона. – Наш папа – инженер, он точность любит.

Карлсон противно засмеялся:

– А чтобы он сразу не ахнул. Все – таки «около двадцати тысяч» звучит помягче, верно?

– Верно, – вздохнули мы. – Только у него и двухсот долларов не наберется.

– Займет у кого-нибудь, – легкомысленно отмахнулся Карлсон. – У друзей, например. У него много друзей?

«Ага, – подумал я, – целое Министерство внутренних дел и Уголовный розыск в придачу». Но вслух, конечно, не сказал, а только кивнул.

А Карлсон распорядился:

– Даром вас кормить я не буду. Марш на улицу, взять лопаты и расчищать от снега территорию. От ворот и до обеда. – Это он так сострил. И сам противно рассмеялся. У него получилась смесь хихиканья с хрюканьем.

– За все ответишь, – прошипел ему вслед Алешка. – По полной программе. Ты у нас отработаешь.

Я не сомневался. Лешка никогда всяких негодяев не оставлял безнаказанными. Думаю, и тут он от своего хорошего правила не отступит...

Со злости мы так расчистили двор, что самим понравилось. Особенно потому, что в самом дальнем углу мы весь снег сгребли вплотную к забору. И получилась хорошая кучка. Если на нее забраться, то, постаравшись, можно и через забор махнуть.

За обедом собралась почти вся бандитская команда. К уже знакомым нам лицам прибавились еще два чумазных лица, от которых сильно пахло бензином. Я подумал, что эти парни работают у Карлсона механиками и ухаживают за его машинами. Но, как очень скоро выяснилось, я очень сильно ошибался. Совсем другим они занимались. Но все это, и многое другое, выяснилось гораздо позже.

За обедом все молчали. Только чавкали и стучали вилками и ложками. И пили водку под один и тот же короткий тост: «Ну, будем!» А чего – будем? Небось и сами толком не знали.

Вообще вся эта компания нам однозначно не понравилась. И не только потому что жулики. Они были какие-то тусклые, бесцветные, скучные. Даже Карлсон загубил свой талант и променял его на преступную жизнь. Из них одна Баба Яга была по-настоящему живая, хоть и вредная. Она все время болтала, и хотя ей никто не отвечал, она всем выкрикивала: «А тебя никто не спрашивает!» Может, поэтому все и помалкивали.

В конце обеда Баба Яга вдруг уставилась на механиков и строго спросила:

– Ну, вы все еще с «мерсом» возитесь? Завтра грузовик придет, а у вас ничего не готово.

– Успеем, – сказал один из них. – Движок разобрать осталось. И сразу за новый «Форд» возьмемся.

– Мама! – вдруг вскочил, будто его укусили снизу, Карлсон и стрельнул глазами сперва в нас, а потом в Деда Мороза и Снегурочку. – Тут посторонние!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.